

Глава 1

Кардиния, 1835 год

Кронпринц Кардинии спешил в покои короля. В небольшой гостиной перед самой опочивальней его встретил Максимилиан Данев. Взглянув на графа и оглядев родные стены, принц вспомнил годы своего детства. Именно сюда призывал король своего проказника-сына, чтобы заслуженно, а иногда и нет, наказать его. Никому, кроме графа Данева, не позволялось находиться в этой гостиной во время довольно бурных разговоров царствующего родителя со своим наследником, и, надо заметить, графу удавалось умерить пыл обоих. Данев всегда был самым близким другом короля, его главным советником и наперсником, а теперь занимал пост премьер-министра.

Граф обратился к принцу. Говорил он, как обычно, с твердостью и спокойным достоинством, в его речи проскальзывал едва уловимый румынский акцент.

— Весьма признателен вам, ваше величество, за то, что вы так быстро приехали. Я опасался, что вас придется разыскивать по всем цыганским таборам в округе.

В его словах прозвучал плохо скрываемый упрек. Макс в большей степени, чем сам король, не одобрял довольно разгульный образ жизни принца. Но на этот раз замечание графа не произвело на молодого человека никакого впечатления. Принц с волнением отметил,

что Данев, обращаясь к нему, сказал «ваше величество», а не «ваше высочество».

— Боже мой! — воскликнул принц, побледнев. — Отец жив?

— Да, разумеется, Господь с вами! — поспешил заверить Максимилиан, сам ужаснувшись этому предположению.

Граф проявил неосторожность — ведь принц не был готов к тому, чтобы выслушать эту важную новость. Штефан Барони, кронпринц, должен был знать все.

— Король Шандор, — продолжил граф, — официально, в присутствии великого визиря Турции, отрекся от престола.

Принц вспыхнул:

— Как посмели меня не пригласить на столь важную церемонию?

— Посчитали, что ваши протесты окажутся неуместными...

— Непременно так бы и сделал! Но что случилось, Макс? Доктора отца утверждали, что дела идут на поправку. Выходит, они мне солгали?

— Королю действительно стало лучше. Но несмотря на улучшение, ему уже не под силу управлять государством. Болезнь сердца — дело нешуточное, и в шестьдесят пять лет, увы, она неизлечима. Вам же известно заключение докторов: малейшее волнение может пагубно сказаться на хрупком здоровье короля.

Эти слова болью отозвались в сердце принца, но он мужественно скрыл свои страдания. Опустив глаза, он вспомнил, что Макс действительно говорил ему о тяжелых последствиях болезни короля, но он тогда отказался верить в непоправимое. Ни один ребенок не может смириться с мыслью о возможной смерти отца. И принц продолжал надеяться. Тем более что доктора вселяли в него эту надежду, хрупкую, зыбкую надежду, как он теперь понимал...

— Меня вызвали по высочайшему повелению для того, чтобы объявить королем? Короновать, хотя сам нынешний монарх еще жив? — с горечью спросил принц.

— Я понимаю ваши чувства. Но ничего нельзя поделать. Таково желание короля.

— Ведь ты можешь заменить его! Так было всегда, когда он покидал страну. Отец не должен оставлять престол при жизни!

Максимилиан печально улыбнулся:

— Вы действительно верите, что ваш отец сможет оставаться в стороне от дел, которыми буду в его присутствии заниматься я, его слуга? Чтобы прожить в покое, он должен перестать быть королем. Вот единственный выход, и он хорошо понимал это, отрекаясь от престола. Вас призвали во дворец короноваться. Вернее, это одна из причин.

— А что же еще?

— Вы узнаете обо всем от самого короля. Ступайте, его величество ждет вас. Но позволю себе предупредить: не вступайте с ним в ненужные споры. Что сделано, то сделано, ничего не изменишь. Он, находясь в здравом уме, сам пожелал отречься и теперь рад этому. Вы — его гордость и утешение, вам вверяет он страну. Выслушайте его смиренно, а если и возникнут у вас какие-либо возражения, лучше выскажите их потом мне. Я всегда готов помочь вам, ваше величество.

Макс, несмотря на высокий сан собеседника, говорил с ним назидательным тоном, очевидно, желая тем самым подчеркнуть, что в их отношениях ничего не меняется. Он будет с преданностью и любовью служить сыну своего повелителя, не страшась приступов королевского гнева и негодования. С этим он всегда справлялся, проявляя стойкость и трезвость суждений.

Вспомнив о том, каким король бывает в ярости, принц не без волнения приблизился к дверям опочивальни. Следует, очевидно, послушаться Макса и не

спорить с отцом. Теперь принц сам стал взрослым мужчиной и научился держать себя в руках с людьми любого положения и сана. Тем более не пристало ему ссориться с больным отцом.

Бывший король Кардинии возлежал на подушках в огромной кровати, возвышавшейся посреди просторной спальни. Величественное ложе, к которому вели несколько широких ступеней, было покрыто богато расшитым шелковым покрывалом. Бархатный балдахин приподнят с обеих сторон золочеными шнурами, а над изголовьем красовался сияющий королевский герб. В комнате царил полумрак, шторы на окнах приспущены, горело только несколько канделябров, свет от которых отражался на блестящем мраморном полу. Принц обвел взглядом до боли знакомую комнату: от пола до потолка все те же великолепные картины лучших европейских мастеров, те же изящные кресла и зеркала в резных рамах. По богатству убранства королевская спальня не уступала роскошным залам и гостиным всего дворца. Там взорам неискушенных посетителей представало столько золота, серебра, дорогих тканей, хрусталя и диковинных предметов, что они просто диву давались — откуда в таком сравнительно небольшом государстве, как Кардиния, такие несметные сокровища? А дело в том, что Кардиния стала одним из богатейших государств Восточной Европы благодаря своим многочисленным золотым приискам.

Король прервал затянувшееся молчание.

— Ну вот ты и здесь! И вид у тебя свирепый! — проворчал он. — Помнится мне, что ты напугал до смерти одну мою любовницу, когда взглянул на нее так, как сейчас.

— Да, но только после того, как она велела мне не попадаться ей на глаза, — парировал принц.

Шандору стало не по себе от реплики сына, но он на минуту забыл, что между ними давно существовало мол-

чаливое соглашение — не касаться подобных тем. Поэто-
му король поспешил заговорить о другом, более важном:

— Макс, наверное, тебя успел подготовить. Только
если он наболтал слишком много, я укорочу ему язык.

— Он только сказал мне, что теперь я король.

— Понятно.

Шандор оставил без внимания резкий тон ответа
принца. Старый король устало откинулся на подушки
и поманил сына рукой:

— Иди сюда, посиди со мной, как бывало.

Принц с готовностью поднялся по ступенькам
и устроился полулежа в ногах огромной кровати. Под-
перев голову рукой, он внимательно смотрел на отца, за-
мечая, как болезнь изменила его черты. Шандор почув-
ствовал, что сын не собирается спорить по поводу свер-
шившегося отречения от престола и отказываться от
короны. «Вот и хорошо!» — с облегчением подумал он.
Ему нелегко далось это решение, но он считал его един-
ственно верным и для себя, и для страны. Это решено,
теперь можно обсудить с принцем более тонкие и важ-
ные вопросы.

— Итак, ты будешь короноваться через неделю, пока
великий визирь еще здесь.

— Интересно, разосланы ли приглашения всем цар-
ствующим особам Европы?

Шандор пропустил эту колкость мимо ушей и про-
должил:

— В настоящий момент среди наших гостей находят-
ся восемь представителей европейских монархов, а так-
же три князя, эрцгерцогиня, несколько графов, наш
славный друг эмир Абдул Мустафа и даже английский
герцог. Все они станут свидетелями важной церемонии.
Ни один не усомнится, что ты мой наследник не только
по праву, но и по признанию народа всей страны — тебя
очень любят и почитают в королевстве. Есть только одно
«но» — у тебя нет королевы.

Принц вздрогнул: именно это он больше всего боялся услышать. Он исподлобья посмотрел на отца и с горечью сказал:

— После смерти моей матери ты же царствовал пятнадцать лет без королевы.

Только теперь Шандор понял, как расстроен и обескуражен его сын. Он мог бы яростно спорить, кричать, отстаивать свои права. Но он молча принимает решения отца и слабо пытается сопротивляться, хотя эти решения касаются его личной жизни и личного выбора. Оценив по достоинству сдержанность принца, Шандор ответил ему:

— У меня есть мой наследник. Так для чего же мне другая жена? Разве только из соображений политических, но и это не понадобилось. А кто есть у тебя?

— Тогда позволь мне самому выбрать себе королеву.

Принц произнес это тихо, почти шепотом, но твердо и решительно. Шандор однажды уже слышал подобные заявления сына. Это случилось по возвращении принца из путешествия по Европе. Он объявил, что желал бы жениться на одной замечательной женщине, которую повстречал во время поездки. Возражения он парировал этими же словами о свободе выбора своей королевы, но вел себя при этом весьма запальчиво и невыдержанно. Отказ короля признать его выбор вызвал бурный протест со стороны пылкого молодого человека. Сейчас Шандору не очень хотелось возобновлять старый спор. Он сказал:

— Вот мое последнее желание, если хочешь, даже предсмертная воля: ты должен подчиниться правилам чести и признать законной свою помолвку с Татьяной Яначек, объявленную в день ее рождения. Ее отец был тогда нашим королем, и по его повелению ты был назначен ее суженым и будущим правителем при ней. Яначек мог выбрать в мужа дочери любого из многочисленных королевских семей Европы, но он выбрал тебя, моего сына. Это великая честь, оказанная тебе...

— Но если бы у Яначека потом родился сын, «великая честь» потеряла бы всякий смысл! — возразил принц.

— Ты, вероятно, забыл, что в свое время Антал Габор поклялся уничтожить весь род Яначеков! — воскликнул король. — И ему удалось это. В течение нескольких месяцев они истребили всех, кроме бедной девочки, которую мне удалось спрятать и тайно вывезти из страны. В этой страшной истории меня удивляет одно: никто ни разу не обмолвился о том, что война этих двух семей в конечном счете помогла мне заполучить трон.

— Отец, их вражда была давней. Ты не участвовал в ней.

— Пусть так. Нет больше в живых никого из клана Габоров. Но есть Татьяна Яначек, и пора принцессе вернуться на родину, где ей больше никто не угрожает. Она должна воссесть на троне, принадлежащем ей по праву.

— Отец, она утратила это право. Народ не хотел, чтобы она стала королевой, когда других Яначеков не стало. Она была слишком мала и подвергалась смертельной опасности. Тебя провозгласили королем, а ее отвергли. Вернись она сейчас, ей не видать короны!

— Почему? Она получит ее вместе с тобой. Ты уже стал королем волею судеб и в состоянии править страной самостоятельно. Она же будет твоей женой, а поскольку в ее жилах течет королевская кровь, ваши дети станут настоящими наследниками.

— Но разве наша семья не королевской крови?

— В этом нет сомнения, но наша линия — побочная. Боже мой, ведь для того чтобы я вступил на престол, должны были умереть одиннадцать человек из рода Яначеков. Одиннадцать! Только тогда я смог стать королем! Иначе бы я никогда не получил короны, даже мечтать не мог. А теперь я, бывший король Кардинии, передаю ее тебе, мой мальчик. Ну а дальше что? На тебе, сын, пока заканчивается наш род. Точно так же и Татьяна — последняя из Яначеков. Наследников нет. Поэтому

му, несмотря на твое явное нежелание взять ее в жены, ты сделаешь так, как говорю я. Забудь о личном и выполни мою последнюю волю. Ты поедешь в Америку, найдешь там баронессу Драгомирову, которая воспитала Таню. Ты привезешь принцессу сюда и обвенчаешься с ней. И это будет пышная и роскошная свадьба, как и положено по церемониалу. Да поможет мне Бог дожить до этого славного дня.

Слушая отца, принц готовился возразить ему, попробовать отказаться от нежеланного брачного союза с принцессой Яначек. У него были на это свои причины, но не хватило духу открыть их сейчас старику.

Последние слова короля повергли молодого человека в отчаяние — как можно не подчиниться умирающему? Можно ли отнять у него надежду?

— Пусть будет так, как ты сказал, — смиренно пробормотал принц.

Покинув королевские покои, он тут же накинулся на Максимилиана Данева, который до этого неосторожно изъясил готовность выслушать все возражения принца, вернее, молодого короля.

— Да кто еще помнит эту девку королевских кровей? Никому нет никакого дела до того, жива она или нет! — Принц был вне себя от ярости.

Максимилиан ловко подхватил юношу под руку и увел подальше от комнат Шандора — не дай Бог услышит. По дороге он ответил спокойно:

— Ее помнят все, кто присутствовал на вашей давней помолвке. Вот это и обязывает вас поступить не только в соответствии с законом, но и по долгу чести.

— Замолчи, негодяй!

— Надеюсь, с отцом вы вели себя более сдержанно.

— Заткнись, Макс! Черт тебя подери!

Принц кричал громко и совершенно не задумывался о том, что слуги или стража могут услышать его. Подумаешь, большое дело — графу досталось от молодого короля!

Хотя многим из челяди было весьма непривычно наблюдать именно графа в роли мальчика для битья. К вспыльчивому нраву принца здесь уже привыкли, а сейчас он явно срывал свой гнев на первом подвернувшемся под руку человеку. И не важно, что это убеленный сединами дворянин. Максимилиан Данев сам хорошо понимал ситуацию. Он не терял самообладания ни при каких обстоятельствах. Поэтому спокойно отвечал принцу:

— Что-то я не припоминаю, чтобы вы раньше были так решительно настроены против той помолвки. С вашей стороны не было ни малейшего намека...

При этом граф едва поспевал за молодым человеком, который шел аршинными шагами по коридору.

— Какое это теперь имеет значение? — бросил принц через плечо. — Это ведь не каприз отца и даже не приказ. Это его последняя воля. Ты понимаешь, что это значит?

— Конечно. Вы бы оставили без внимания приказ. А теперь вам придется во что бы то ни стало исполнить последнюю волю отца.

Вдруг принц резко остановился и повернулся к Максиму. Взгляд его стал свирепым.

— Так ты знал, что он собирается прибегнуть к подобной уловке? — спросил он.

И, не дождавшись ответа, снова размашисто зашагал вперед. Максимилиан бросился за ним вслед, оправдываясь на ходу:

— Я ничего об этом не знал! Шандор не советовался со мной, и я понимаю, почему он так решил — он не имеет больше над вами власти и не знает, как еще заставить вас поступать согласно его желаниям.

— Ох, Макс, уйди с глаз долой! Что ты мне такое говоришь? А я еще всегда считал тебя своим вторым отцом.

Тут Максимилиан вдруг замер на месте. Не из-за того, что его удивили или задело за живое угрозы Штефана, причина была в другом — новоиспеченный король, казалось, заблудился в собственном дворце. Он про-

пустил поворот в восточное крыло, где находились его покои, и решительно направился неведомо куда. Прошло несколько минут, пока принц сам обнаружил свою ошибку. Граф тем временем поджидал и обдумывал, как бы получше представить принцу все это сложное и деликатное дело с принцессой. Надо прежде всего попробовать убедить его сменить гнев на милость, разжалобить несчастной судьбой девицы или, наоборот, дать понять, что она как нельзя более подходит ему для женитьбы. И Макс обратился к подошедшему принцу:

— Может, вас беспокоит то, что принцесса, выросшая далеко за пределами Кардинии, будет иметь взгляды и убеждения, чуждые нашей стране? Но, смею вас уверить, такое невозможно, так как воспитание и образование девушки было поручено самой образованной и преданной женщине — баронессе Драгомировой, которая была ближайшей подругой королевы, матери Тани. Принцессу учили любить свою родину, свой народ, ее специально готовили к будущему восхождению на престол в качестве достойной супруги своего нареченного. Она знает многие науки и искусства. Кроме того, средства были даны немалые, чтобы девушка не знала ни в чем нужды. Принцесса росла в подобающей ей роскоши...

— Чем ее явно избаловали и испортили!

— Не стану спорить, — усмехнулся Макс, — но это исправимо. Некоторые нежелательные черты характера восполнятся ее потрясающей внешностью, о которой можно легко догадаться. Вы скорее всего не помните ее родителей, но можете мне поверить, это была замечательная пара. Королева всегда считалась первой красавицей, и не только в нашей стране, но и во всей Европе. Младшая дочь австрийского короля, она прославилась тем, что отказала виднейшим царственным особам и остановила свой выбор на Льве Яначеке. Вы видели, каков он был в молодости? Да, у такой пары и дочь должна быть непревзойденной красоты!

Но вопреки надеждам Макса его пламенная речь не произвела на принца должного впечатления. Наоборот, казалось, он еще больше разозлился именно из-за похвал, которыми граф осыпал принцессу.

— Да мне до этого нет никакого дела! — в сердцах воскликнул принц. — Я уже ненавижу эту красавицу, представляя, как она с отвращением отвернется от меня!

Макс сочувственно посмотрел на принца, и сердце его сжалось. Как же он не подумал о том, что разговор о внешности — самый больной вопрос для молодого человека!

Алисия принимала ванну. Услышав, как громко хлопнула дверь, она вздрогнула — пришел принц, и, судя по всему, он в сквернейшем расположении духа. Алисия взглянула на своих перепуганных служанок и не сдержала вздоха. Есть чего бояться, уж это ей хорошо известно. Она сделала знак, чтобы обе ушли, сама же приготовилась к встрече, не предвещавшей ничего хорошего. Она припомнила, как страшно испугалась, впервые увидев принца в припадке гнева. Его глаза, казалось, метали искры, черты лица исказились злобой. Наверное, за это при дворе его прозвали «дьяволом во плоти». В таком состоянии принц мог сделать все что угодно, даже убить, и ему это сошло бы с рук. Вообще все боялись именно непредсказуемости действий единственного наследника короля, которому прощались любые, даже самые жестокие выходки.

В тот первый раз, когда Алисия увидела принца в ярости, он поссорился со своим другом Лазарем Байором. Что именно разозлило вспыльчивого юношу, теперь трудно вспомнить: это случилось год назад, женщина только что стала его любовницей и совсем не знала нрава своего повелителя. Но тогда ее поразило: он смотрел на нее таким ужасным взглядом, что дрожь пробежала по телу от страха. Алисия не была ни в чем виновата и не могла взять в толк, почему он злится на нее.

Казалось, принц просто готов ее убить. Он схватил ее за руку и, притащив в спальню, буквально швырнул на кровать. Она даже не в силах была кричать и звать на помощь. Но оказалось, что ее любовник таким необычным образом проявлял свою страсть — припадки гнева превращались в плотские желания. Алисия при этом не испытывала никакого удовольствия от неистовых ласк и яростных любовных утех. Страх сковал ее тело, оставляя почти безучастной к происходящему, но она была слишком опытной женщиной, чтобы оскорбиться из-за подобного отношения. Правда, после всего Алисия позволила себе немного поплакать, но настоящей причиной ее слез было лишь чувство облегчения от того, что ее страх необоснован и она осталась жива. Однако принц не догадывался об истинной причине и решил, что в этом есть его вина и он причинил ей боль. Алисия не стала разубеждать Штефана. «Пусть почувствует себя виноватым», — подумала она и усмехнулась, зная, что свою вину царственный любовник будет стараться искупить по-царски: золотом и драгоценностями.

После этого Алисия не боялась приступов гнева принца. Когда он предстал перед ней с перекошенным от злобы лицом и, казалось, готов был задушить ее своими руками, она спокойно направлялась к нему, на ходу освобождаясь от одежды. Прижавшись крепко к нему обнаженным телом, она была уверена в том, что это подействует и он скоро станет смирным, как дитя.

Так и в этот раз: Алисия вышла из ванны навстречу взбешенному принцу. Он схватил ее на руки и понес на кровать. Зная, что произойдет через секунду, Алисия усмехнулась про себя: пусть делает с ней все что хочет, зато потом ее ждет награда — замечательное сапфировое ожерелье, которое ей никак не удавалось у него раньше выпросить. Теперь она поплачет немножко и получит из рук виноватого принца желанный подарок.

Глава 2

Нэтчез, Миссисипи

— Таня, ленивая скотина! Где мой завтрак?

Девушка с подносом в руках, направлявшаяся через коридор к открытой двери в хозяйскую спальню, замерла на месте. Как она ненавидела подобные окрики! Ее хозяин, Уилберт Доббс, обладал особенно громким голосом и всегда орал всякие гадости на всю округу. Соседям были известны все ее бранные прозвища, и поначалу Таню это очень смущало. Теперь она вроде бы и привыкла, ведь никто никогда не заступился за нее и не одернул грубияна. Никто не сочувствовал ей, здесь было так принято обращаться со слугами. Но ей самой иногда становилось невыносимо слышать нескончаемую брань.

Правда, последнее время стало легче — болезнь приковала Доббса к постели, и он не мог колотить ее, как частенько случалось раньше. Вспомнив об этом, Таня даже злорадно ухмыльнулась, и в ее потухших было глазах загорелись веселые искорки. Ей только на руку, что Доббс свалился. Добрее он от этого, правда, не стал, наоборот, обозлился на весь белый свет от безысходности своего положения, только ему теперь Таню не достать. Пусть орет, сколько душе угодно. Она готова стерпеть все эти оскорбления — известно, что он больше не встанет. Таня не так давно сожгла палку, которой Доббс бил ее. Господи, двадцать лет она мучается; может, скоро наступит конец страданиям, и судьба вознаградит ее за долготерпение!

Успокоившись, Таня покрепче подхватила поднос и вошла к хозяину. С шумом поставила завтрак на прикроватный столик и смело глянула на сердитого Доббса.

— Ты куда это запропастилась, черт тебя подери? — крикнул он.

— Пиво привезли раньше обычного. Надо было принять.

Это объяснение заставило хозяина заткнуться с претензиями — дело есть дело! Но ему невдомек, что Таня наврала — она просто сидела внизу и пила чай. Можно же позволить себе расслабиться...

— А каков вчерашний доход? — деловито поинтересовался Доббс.

— Еще не подсчитывала.

— Мне нужен отчет...

— А мне нужно сначала убрать таверну после ночной заварухи.

Хозяин тупо уставился на нее — как осмелела, однако! Таня вдруг покраснела. Она бы раньше не посмела так с ним разговаривать. Тогда, шесть месяцев назад, она кинулась бы выполнять каждый его приказ, сбилась бы с ног, но сделала бы все в лучшем виде. Сейчас она даже не дала ему договорить.

— Простите, — вдруг сказала она, — но я же в таверне одна за двоих. Приходится трудиться не покладая рук, и времени не всегда хватает. За день-то надо успеть к вечеру управиться. Хорошо бы нанять...

— Ладно, ладно. Сама прекрасно справишься. Нам надо платить еще троим. Если взять работника, не будет никакого навара.

Таня хотела возразить ему, но понимала, что ничего не добьется. Доббс имеет хорошие прибыли, уж она-то знает наверняка, но он скорее удавится, чем потратит хоть один лишний цент даже на благо собственного дела. А уж на ее трудности ему совсем наплевать. Черт возьми, и на что он только копит деньги? Ему уже шестьдесят лет, и он неизлечимо болен. Когда он умрет, его даже оплакивать будет некому. Таня выросла в его доме, и он считает ее своей собственностью.

Первые пять лет своей жизни Таня считала этого человека и его жену своими родителями и очень обрадова-

лась, узнав, что это не так. Но даже когда она подросла, ей не удалось выяснить, кто же были ее настоящие родители. Айрис Доббс рассказала ей про какую-то странную женщину, которая отдала им малышку Таню и сама путалась, то называя себя матерью ребенка, то начисто отрицая это. И неудивительно — у этой женщины была лихорадка, от которой она вскоре и скончалась.

Айрис же умерла восемь лет назад. Она нередко спасала Таню от побоев, подставляя свою спину. В один прекрасный день Доббс избил жену так, что она после этого отдала Богу душу. Негодяй объявил, что с женой произошел несчастный случай, и даже ни разу не раскаялся.

Понаблюдав, как мужья обращаются с женами, Таня поклялась себе, что ни за что не позволит своему мужу, если, конечно, решится вообще выйти замуж, обращаться с ней как с бесправной рабыней. Она никогда не позволяла подчинить себя полностью, даже под страхом наказания. Живя с Доббсом под одной крышей не один год, Таня научилась ценить те немногие права и свободы, которые ей удалось отвоевать для себя, особенно за последнее время. Теперь уж ее вообще не сломить. Она предчувствовала, что скоро (скорее бы!) она совсем освободится и сможет делать что захочет, идти куда захочет.

Когда-то одна из барменш, поглядев на то, как Доббс колотит Таню палкой, спросила, почему та не плюнет на все и не уйдет. Девушка призадумалась. Она-то, конечно, не раз угрожала Доббсу, что бросит эту работу и уедет. Она бы вполне могла найти работу в другой таверне, ведь она была расторопной и не боялась никакой работы. Тогда в один прекрасный день Доббс вдруг заговорил об их партнерстве во владении «Сералем». Но это оставалось лишь пустым обещанием до тех пор, пока болезнь не подкосила его. Тогда Таня и настояла, чтобы Доббс подписал бумаги, которые она теперь хранила под половицей в своей каморке и берегла как зеницу ока.

Она мечтала о том времени, когда таверна будет полностью принадлежать ей. Управляться будет непросто, кто спорит, и сколько ее ждет трудностей, а еще больше всяких неприятностей, она хорошо себе представляет. Но все равно она будет счастлива, так как станет свободной и независимой и сможет наконец приобрести себе то, о чем пока только грезит по ночам. Остается ждать и заботиться о Доббсе до конца его дней. Разве это так сложно?

Таня поспешила вниз, оставив хозяина одного. Ему она больше не нужна, а в таверне ее ждет куча дел. Едва хватает дня на то, чтобы успеть все приготовить до вечера, когда придут посетители. Правда, есть еще три работника, но их не касается уборка в зале. Доббс всегда жадничал и отказывался платить им сверх положенного, считая, что Таня справится сама. Поэтому они ей не помогали убирать, даже если зал был похож на хлев.

Обычно после ухода посетителей в таверне творилось черт знает что: на столах опрокинутые кружки, разлитое по полу пиво, перевернутые стулья, кругом окурки, мусор. Обычно Таня кое-как, наспех наводила порядок: после закрытия заведения поздно ночью она уже просто валилась с ног. А вчера ей пришлось нелегко — не на шутку разгорелась пьяная драка. Моряк с прибывшего вчера в порт судна «Лорелея» сцепился с сынком одного местного фермера. И все из-за Эйджи, новой официантки. В свое время Доббс быстро разнимал дерущихся при помощи пистолета, из которого палил в воздух, и здоровенной кочерги, служившей для дерущихся розгой. Теперь Тане должен был помогать Джерри-бармен, который мог вытолкать из таверны мертвецки пьяного, но в драки ввязывался неохотно.

С тех пор как Таня принялась хозяйничать в таверне, она не раз усмирляла пыл не в меру разошедшихся мужчин. Поначалу, когда она встревала между дерущимися, ей тоже изрядно доставалось. Потом завсегда таи

таверны по привычке к ее грозному виду. Таня не очень с ними деликатничала, могла наподдать как следует, накричать. Она даже нарочно гримировалась под эдакую грубую деваху, что особенно выделялось на фоне двух смазливых девиц — Эйджи и Эйприл. Таня нередко обслуживала посетителей, заменяя официанток, но с ней никто себе не позволял никаких вольностей. Одежда она тоже была под стать своему образу — старая, некогда черная, длинная юбка и серая необъятных размеров блуза, одна из рубашек Доббса, перехваченная на талии потертым поясом, за который был заткнут большой кинжал для устрашения драчунов и нахалов. Когда Таня, подбоченясь и держась рукой за рукоятку кинжала, приближалась к дерущимся мужикам, у них сразу пропадал весь запал. Интересно, что все верили: эта хмурая девица может пырнуть ножом какого-нибудь чересчур буйного забияку. Но у Тани это оружие было только для вящего страха посетителей. А еще, на случай более серьезный, у нее был спрятан в правом ботинке маленький нож, острый как бритва. Вот так, вооруженная, можно сказать, до зубов, Таня каждый вечер сновала по таверне, работая не покладая рук и присматривая за порядком.

Она вспомнила вчерашнюю драку: ей пришлось поработать кулаками, расталкивая любителей понаблюдать за «бойцами». Но потом даже не потребовалось и слова сказать. Сын фермера, завсегда та таверны, которому хорошо был известен крутой нрав нынешней хозяйки, извинился, искоса поглядывая на кинжал в ее руке, потом прошел к своему столику и покорно сел. Моряк, его соперник, так удивился подобному смирению, что у него пропала охота драться, и Джерри спокойненько выпроводил его за дверь.

Но несмотря на то что все обошлось, Таня не могла долго прийти в себя. Все эти пьяные потасовки выбивали ее из колеи, беспокойство, которое она испытывала, до тех пор пока не водворяла надлежащий поряд-

док среди посетителей, изматывало ее до такой степени, что она едва могла добрести до постели. Насилие в любом его проявлении вызывало у нее отвращение, скорее всего потому, что ей всю жизнь приходилось мириться с жестокостью хозяина. Теперь ей пришлось выступать в не подходящей для себя роли — применять силу по отношению к другим. Но это было необходимостью: справиться с агрессивно настроенными мужчинами по-другому невозможно. Таня слишком хорошо это усвоила, особенно за последние несколько месяцев.

Было еще одно обстоятельство, которое заставляло ее принять облик грозной и невзрачной хозяйки: посетители «Сералея» любили грубовато позаигрывать с девушками из таверны. Таня так хорошо замаскировала свою привлекательную внешность, что ее почти перестали задевать. Но иногда какой-нибудь ухарь, изрядно наклюкавшись, умудрялся ущипнуть или шлепнуть ее. Просто, кроме юбки, его мутные глаза уже ничего не могли заметить. Таня давала ему подзатыльник или звонкую оплеуху. Это мигом приводило незадачливого ухаера в чувство, он ошарашенно моргал глазами под хохот и подначки дружков — мол, не с той бабой связался, дурак! С пьяными Таня всегда справлялась довольно легко.

Совсем другое дело, когда в кладовке или во дворе ее поджидал слегка подвыпивший мужик, который прекрасно знал, какова Таня на самом деле, и искал удобного случая потискать ее и, если повезет, переспать с ней. Тане приходилось отбиваться изо всех сил, пару раз она избавлялась от наглеца, не на шутку угрожая ножом.

А ведь когда Доббс был в полном здравии, никто к ней близко не подходил. Он не позволял ее пальцем тронуть, и это единственное, за что Таня была благодарна хозяину. Когда-то он избил до полусмерти своего друга, который попробовал поцеловать ее. Впрочем, Доббс и не собирался защищать честь своей служанки, просто он терпеть не мог всякие шашни и тем более по-

хотливость. Если Эйджи и Эйприл хотели позабавиться с посетителями, им приходилось подыскивать для этого другое место, например в конюшне. Обе девчонки частенько там уединялись с ухажерами тайком от Доббса. Конечно, его отношение к любовным утехам посторонних было ненормальным. Но как-то раз Айрис призналась, что он уже давно не в состоянии исполнять супружеские обязанности. Поэтому он так выходил из себя, когда узнавал, что у других с этим делом все в порядке.

Тут Таня очнулась от своих долгих размышлений и снова в который раз оглядела таверну. Пора приступать к уборке, ведь еще нужно приготовить обед и ужин, сбежать заказать свечи, а это не ближний свет.

Ближе к вечеру, когда уже пришло время открываться, прибежал младший брат Эйприл и сказал, что его сестричка подвернула ногу, не сможет выступать сегодня и вообще не придет. Это значило, что «Сераль» остался без своего коронного номера, и, судя по всему, не на один вечер. Таня всплеснула руками и без сил опустилась на стул. От таких забот голова пошла кругом.

Глава 3

— Что мы, черт возьми, делаем здесь, Штефан? — возмущенно спросил друга Лазарь, оглядев таверну.

В помещении было многолюдно, и посетители вели себя довольно буйно, они стучали кружками и шумно требовали начала представления.

— Уж лучше было остаться в гостинице и подождать там Андора, — продолжал Лазарь. — Там хоть чисто и уютно.

— Можно подумать, ты никогда не бывал в подобных заведениях! — отозвался Штефан, усмехнувшись.

— Но ты посмотри на них! Они же все вооружены до зубов!

— Ты явно преувеличиваешь, друг мой. Но все же мне, так же как и Василию, интересно посмотреть, чем тут дело кончится. Надо же хоть взглянуть на это представление, из-за которого тут такая шумиха.

— Господи, — пробормотал Лазарь. — Если вы оба хотите попасть в какую-нибудь переделку, то тут самое место для этого.

Штефан удивился:

— С чего это ты взял?

— Не нравится мне эта шумиха. Пахнет большой дракой, вот что. Эти пьянчуги только ищут повода зацепить кого-нибудь, а самая подходящая мишень — незнакомцы, приезжие, как мы. А ты заведешься с полоборота, я тебя знаю. Особенно если учесть твое скверное расположение духа после всех плохих новостей, которые мы узнали.

Штефан не стал обижаться на прямоту друга — он чувствовал, что тот прав.

— Уверю тебя, что я не буду ни во что ввязываться, — пообещал он больше себе самому, чем Лазарю.

— Не надо ничего обещать!

— Слушай, отвяжись. Ты меня сейчас заводишь больше, чем кто-либо другой. Мы согласились составить Василию компанию и пойти с ним развлечься, вместо того чтобы томиться в гостинице в ожидании.

— И что тут Василию понадобилось? — вздохнул Лазарь.

В это время тот, о котором шел разговор, ходил от стола к столу, запросто беседуя с посетителями таверны. Такое непринужденное поведение сердило Лазаря.

— Василий услышал об этом кабаке еще на корабле, — объяснил Штефан. — Его заинтриговало название «Сераль» — гарем, потом он узнал про танцовщиц и решил, что прекрасно развлечется здесь. Ты же знаешь, как он любит всякую экзотику, и особенно танец живота.

— У него же для этого есть эта новая наложница, Фатима! У нее здорово получается вихляться. В постели она тоже ничего.

— Ты-то откуда знаешь?

— Василий у нас не жадный. А ты разве не спал с ней?

— Я не сплю со служанками. Они для меня слишком покорны.

Лазарь усмехнулся: ему лично были по душе кроткие и послушные женщины. Его любовница, та, что осталась дома, — настоящая фурия. Он устал от перепадов ее настроения и с радостью забылся в нежных объятиях восточной красотицы...

Тем не менее он скучал по дому. Кто мог подумать, что их путешествие так затянется? Предполагалось, что они сначала отправятся в Новый Орлеан к некоей мадам Леруа — той женщине, которая тогда, двадцать лет назад, должна была приютить баронессу и королевскую дочь. Имя этой дамы король Шандор сказал им перед самым отъездом — все держалось в строжайшем секрете. Мадам Леруа должна была привести их прямо к принцессе. Они прикинули, что на все про все, даже с долгой упаковкой вещей принцессы у них уйдет неделя. Потом — на корабль и домой... Так все казалось просто. Но неожиданно выяснилось, что мадам Леруа уже давно нет в живых, а муж ее переехал в Чарлстон.

У них неделя ушла только на то, чтобы попытаться хоть что-то узнать о баронессе Драгомировой. Но она как в воду канула, словно и не было ее никогда в этом городе. Пришлось ехать в Чарлстон к мужу мадам Леруа и разыскать этого горького пьяницу, едва помнившего свою собственную жену. Спрашивать его о женщине, приехавшей к ним много лет назад, было просто бесполезно. После хорошей встряски и взбучки этот Леруа припомнил, что примерно в то время с ними жила сестра жены, которая, может, что-то и знает. Еще по-

сле пары оплеух пьянчуга поведал, что его свояченица вышла замуж и лет десять назад переехала в Нэтчез на Миссисипи.

Друзьям пришлось вернуться в Новый Орлеан и там сесть на корабль, направлявшийся вверх по реке в этот самый Нэтчез. Оставалось надеяться, что старик не обманул их. А что делать? Нужно найти Татьяну Яначек, которая столько лет ждет возвращения домой.

Им зачастую начинало казаться, что вся эта затея напрасна — слишком много неудач и никакой ясности. Но отказаться от поисков можно только в том случае, если сам молодой король Кардинии решит послать все ко всем чертям и возвращаться. Он же был связан по рукам и ногам последней волей отца. Пока они не встретились с сестрой мадам Леруа, еще оставалась хоть какая-то надежда найти принцессу.

Лазарь тяжело вздохнул, вспомнив их сегодняшнюю поездку на ферму к женщине, которая и была сестрой мадам Леруа. Она рассказала печальную историю. Оказалось, что баронесса и дитя, которое она объявила собственной дочкой, провели всего дня два в доме Леруа в Новом Орлеане. Баронесса была нездорова, так как еще на корабле заразилась какой-то болезнью. У нее время от времени повышалась температура и начинался бред. Она называла себя очень важной особой, потом плакала и боялась преследования и мести. Денег у нее не было, так как ее ограбили в первый же день по прибытии в Америку. Женщина была в ужасном состоянии, но когда она узнала, что в Новом Орлеане вот-вот вспыхнет эпидемия желтой лихорадки, с ней просто сделалась истерика, и она тут же решила уехать.

«Моя сестра убеждала ее остаться, но она и слушать не хотела, — рассказывала сестра мадам Леруа. — Эта дама собственноручно занялась подготовкой к отъезду, нашла себе спутницу, которая обещала сопровождать ее в Нэтчез. Мы с сестрой пришли в ужас, когда узнали, ку-

да едет эта женщина: в этих местах приедем появляться небезопасно, всякий может обмануть и обидеть. А эта ее спутница вообще была из тех, кому и доверять нельзя. Но переубедить нашу гостью мы не смогли, она была в горячке, дрожала от страха, рвалась прочь. Мы предложили оставить у нас ребенка, но она и слушать не хотела. Она уехала, а через неделю к нам доставили ее тело — умерла по дороге. В ее сумочке нашли карточку с адресом моей сестры, поэтому нам и предложили похоронить ее. Труп, присыпанный камнями, был найден на обочине. Наверное, эта Доббс, так звали ее спутницу, все-таки пыталась похоронить бедняжку».

Вот что поведала друзьям сестра мадам Леруа. Весть о смерти баронессы Драгомировой повергла их в отчаяние. Им даже в голову не могло прийти, что она погибнет. Столько лет никто не знал о случившемся, король полагал, что все благополучно. Да и как баронесса могла дать знать о своей болезни? Шандор дал ей указания обращаться к нему в случае крайней необходимости, чтобы не раскрыть врагу местонахождения принцессы. Но она же не могла предвидеть, что умрет, и не успела найти того, кто после ее смерти сообщил бы о трагедии в Кардинию. Малышка была еще такой крохотной... Никто не знал ни имени баронессы, ни имени ребенка...

Теперь как ни крути, а искать принцессу — все равно что отыскивать иголку в стогу сена. Лазарь считал, что надо возвращаться на родину и поставить в известность Шандора. Андор предложил найти красивую девушку, по вкусу молодому королю, и выдать ее за принцессу Татьяну Яначек. Этот вариант всех повеселил, не более, но загвоздка была в том, что настоящая принцесса имела на теле метку, поставленную в свое время самим королем Шандором, а его не так просто обмануть. Штефан и Василий, кузены, склонялись к тому, что необходимо продолжать поиски. Баронесса назвала имя своей спутницы, и стоит разыскать ее, тем более что та

направлялась в Нэтчез. Раз они уже здесь, надо сделать все возможное.

Все трое понимали, что вряд ли им улыбнется удача. Двадцать лет назад какая-то женщина по фамилии Доббс приехала в этот забытый Богом городишко на Миссисипи. Обосновалась она тут или нет, можно только гадать. Сестра мадам Леруа больше о ней ничего не слыхала, хотя живет тут лет десять, не меньше. Но даже если допустить, что они найдут эту Доббс, что она может знать о ребенке?

Решено было отправить Андора на розыски Доббс. Он должен был встретиться и поговорить с чиновниками городской управы или просто с жителями, попытаться хоть что-то узнать. Если ему ничего не удастся выяснить, придется всем вместе назавтра буквально прочесать город, расспрашивая почти каждого встречного. Такое они уже проделывали в Новом Орлеане, разыскивая мадам Леруа. У молодых людей, а особенно у скептика Лазаря, было мало уверенности в том, что поиски исчезнувшей принцессы увенчаются успехом. Если баронесса заболела инфекционной болезнью и не расставалась с девочкой до самой кончины, та вполне могла тоже умереть, ну разве чуть позже. Однако Штефан был полон решимости исполнить волю отца во что бы то ни стало.

В таких раздумьях пребывали Лазарь и Штефан, сидя за столиком в таверне. К ним подошел Василий.

— Не хотите ли перейти за тот стол, прямо возле сцены? — спросил он у товарищей. — Там лучше видно. Только сейчас он занят. Пойти попробовать дать им денег, чтобы пересели? Или велеть им убраться? Должны же у королей быть какие-то преимущества! Простолюдны обязаны считаться с этим.

— Мы же договорились, что путешествуем инкогнито. Разве нет? — сухо бросил Штефан.

— Да, и очень жаль. Тогда можно применить силу.

— Еще чего не хватало! — воскликнул Лазарь. — Устроить тут драку! Садись на мое место. Отсюда тоже все прекрасно видно!

— Благодарю, друг мой.

Штефан улыбнулся — Василий добился, чего хотел. Теперь Лазарь, которому не терпелось уйти отсюда, смирился и, кажется, даже готов смотреть представление. Он рад уже тому, что не придется с оружием в руках защищать воинственно настроенных кузенов. Впрочем, оба были искусными бойцами: Штефан — более вспыльчивый и отчаянный, Василий же хватался за клинок редко, но из поединка умел устроить целое представление — в сражении он развлекался, оставаясь внешне хладнокровным. Лазарь знал обоих очень хорошо. Эта троица была неразлучной с раннего детства: их учили одни и те же учителя; им приходилось драться с общими врагами. Несмотря на сходство вкусов и интересов, каждый обладал оригинальным, неповторимым характером, что не мешало им, однако, понимать друг друга с полуслова, с полужеста. Бывали разногласия и даже ссоры, но вопреки всему Штефана, Василия и Лазаря связывала настоящая мужская дружба.

Сейчас, глядя на Василия, Лазарь понимал, что тому необходимо расслабиться после суматохи этих дней и поэтому он так хочет посмотреть представление даже в этой жалкой таверне. Вот он уселся на место Лазаря и сосредоточенно уставился на сцену.

Судя по всему, скоро выйдет танцовщица. Посетители нетерпеливо стучат кружками по столу в предвкушении любимого зрелища, которое, возможно, стоит того, и исполнительница экзотического танца покажет высокий класс. Но Лазарь все же сомневался. Знает он эти дешевые штучки! Откуда в таком городишке настоящая танцовщица с Востока? Скорее всего это будет жалкая пародия на то, что девица когда-то видела где-нибудь в столице. Эти американцы не способны отли-

чить настоящее искусство танца живота от подделки. Но вот Василий — зритель весьма благодарный. Ему легко угодить, но если обмануть его ожидания, то он устроит такое, чего даже вспыльчивый Штефан себе бы не позволил.

В это время Василий повернулся к Штефану и произнес вполголоса:

— Мне сказали, что с танцовщицей можно переспать за скромную плату. Если у нее окажутся хорошие ровные зубы, как у моей Фатимы, я закажу себе отдельное представление в моем номере.

Лазарь услышал это и тут же парировал:

— Послушай, надо быть поосторожнее со шлюхами, это опасно. У тебя было три в Новом Орлеане, одна на пароходу, а теперь эта танцовщица. Рискуешь привезти домой в одном пикантном месте неожиданный подарочек, который очень чешется.

— Не обращай на Лазаря внимания, — поспешил вмешаться Штефан, хорошо зная характер кузена — тот спокоен до поры до времени, а дальше все может случиться. — Он ворчит с того самого момента, как мы сюда вошли. Все ждет неприятностей и подозревает нас в худших намерениях. Никак не может поверить, что нам захотелось выпить этого пивка, похожего на ослиную мочу, да еще посмотреть, как кривляется на этой сцене какая-то девка.

— Да, по правде говоря, я сам жду подвоха с этим танцем, — отозвался Василий и со смехом повернулся к Лазарю. — Мы назло тебе тут задержались, понял? А теперь, если Штефану не понравится и он разозлится, ты тоже будешь виноват!

— Нет уж, если отдуваться, то вместе. Пусть и с тебя Штефан шкуру спустит за твои причуды. Восточных танцев захотел!

Василий подмигнул Штефану:

— Значит, это я буду виноват?

— Похоже, да. Меня не очень привлекают всякие там хитрые телодвижения.

— Да, Лазарь, ты, пожалуй, прав. Нам с тобой несдобровать!

— Да замолчите вы! Пропустите представление!

Василий взглянул на сцену, увидел, что там происходит, и уселся поудобнее. Посетители таверны захлопали в ладоши что было сил. Лазарь обернулся и открыл рот от изумления. Штефан тоже глаз не мог оторвать от сцены. Здесь, в глуши, он никак не мог ожидать, что танцовщица так очарует его.

Глава 4

Девушка была потрясающе сложена и грациозно двигалась. Штефан, так же как и все остальные, смотрел на нее во все глаза. Танец должен был пробуждать самые низменные страсти, но танцовщица исполняла его так грациозно, что казалась воплощенной невинностью. Может, она нарочно не позволяла себе откровенных, возбуждающих движений, ведь кругом столько разгоряченных выпивкой мужчин, но тем сильнее распалось воображение. Эта женщина могла свести мужчину с ума, настолько чувственным было ее выступление. Глядя на нее, Штефан загорелся желанием, сердце бешено колотилось в груди.

Еще до выхода танцовщицы на сцену он гадал, каким будет ее костюм. Скорее всего не очень откровенным, хотя именно в таком исполняют танец живота. Настоящие исполнительницы этого танца в восточных гаремах выступают фактически полуобнаженными, но они ведь наложницы или служанки, танцуют перед хозяином, чтобы понравиться ему, иногда перед гостями. А здесь все-таки Америка, женщины в этой стране не открывают взорам свои ноги. Правда, перед ними — проститут-

ка, танцующая для неотесанных мужланов. Она может и обнажить часть ног и обязательно живот — таков танец. Но это оказалось не так.

На танцовщице были шаровары, начинавшиеся под пупком и закрывавшие наглухо ноги до самых щиколоток, где штанины были прихвачены манжетами. Ткань была сиреневого цвета и непрозрачная, но достаточно тонкая — облегла бедра и колени, когда девушка двигалась. Верх костюма представлял собой короткую, но не слишком, до талии, шелковую закрытую блузку того же цвета, что и шаровары. Широкие рукава были собраны на запястьях. Блуза слегка подчеркивала красивую грудь, а потом свободно падала. Когда танцовщица вращала бедрами, виднелся ее живот. Костюм, расшитый блестками, сверкал и переливался, на руках и ногах ритмично, в такт движениям позвякивали браслеты с колокольчиками. По всему видно, что танцовщица не новичок на сцене.

Штефан сожалел, что не видно лица девушки — снизу оно закрыто до самых глаз, слегка раскосых. Длинная шаль из той же материи, что и весь костюм, скрывает волосы, только несколько темных локонов спадает на плечи. Внимательно присмотревшись, Штефан понял, что глаза девушки подведены, они издалека только кажутся миндалевидными, цвета их не видно — длинные ресницы опущены.

Хотелось, чтобы чарующий танец продолжался до бесконечности. У Штефана дрожь пробегала по телу, когда он наблюдал за вращением бедер танцовщицы, подрагиванием груди под шелком блузки, когда замечал обнаженный живот под ритмично кольшущейся тканью. Он уже решил для себя, что сегодня эта девушка будет принадлежать ему, а не Василию. С того достаточно посмотреть танец здесь, в таверне. Но как быть, если кузен уже объявил о своих намерениях? Пожалуй, лучше всего сказать ему все прямо, без обиняков. Поэтому,

когда девушка закончила свое выступление, Штефан повернулся к Василию:

— Я считаю, что ты за последнее время имел достаточно девиц. Эту оставь мне.

— Тебе? — удивился тот. — Ты слышал, Лазарь? Он хочет украсть девку прямо из-под меня!

— Ну, она еще совсем не под тобой! — отозвался Лазарь. — По-моему, все правильно. Ты уже позабавился с девками, и, кроме того, тебе все равно с кем спать, а наш Штефан так разборчив. В кои-то веки ему приглянулась одна, да еще такая милашка.

— Тогда мы с ним поделимся, — не уступал Василий.

— Я ни с кем не собираюсь делиться, — отрезал Штефан, стараясь не выходить из себя.

— Ах так? — воскликнул Василий. — Где же ты раньше был? Ну, забирай ее, если она пойдет с тобой.

Это было сказано как бы между прочим, без намеков, но, заметив, как напрягся Лазарь, Василий понял, что невольно дал маху, слова прозвучали очень жестоко. Он закусил губу от досады на самого себя. Дело в том, что Василий среди троих друзей слыл первым красавчиком. Женщины его обожали, буквально вешались ему на шею.

В юности друзья даже шутили, что в конце концов Василию будут принадлежать все женщины королевства. Но подобные шутки позволялись до того, как со Штефаном случилось несчастье — он спасал своего младшего брата, и его лицо изуродовали волки. После этого разговоры о внешности при нем исключались, чтобы не затрагивать больные струны.

— Я не хотел... — Василий был в таком замешательстве, что даже не смог договорить.

Он вскочил со стула и быстро вышел из таверны.

— Это он не со зла, — попытался вступить за друга Лазарь. — Десять лет назад сказал бы то же самое.

— Перестань! Я что, не понимаю?

— Господи, Штефан, сколько можно думать об этих шрамах!

— Оставь. Лучше пойдешь к Василию, он не на шутку расстроился. Я не сержусь. Скажи ему, что все в порядке.

Но это было вовсе не так. Намек Василия на то, что красивые женщины предпочитают его Штефану, задел за живое. Штефан, как большинство сильных мира сего, мог выбрать любую красотку, и она не отказала бы ему, но это были в основном продажные женщины, которым все равно, лишь бы платили. Однако он чувствовал даже в них неприязнь к своей внешности. А чтобы красавица аристократка сама, по доброй воле...

Штефан отогнал от себя тягостные мысли. Но не думать о танцовщице не мог. Почему его тянуло к ней, почему так сильно хотелось обладать ею? Неужели только потому, что давно не спал с женщиной? Нет, эта девчонка задела его за живое, возбудила его, хотя он не считал ее танец таким уж вызывающим. Да и какое это теперь имеет значение?

Возвращаться в гостиницу ему не хотелось. Там его дожидаются Лазарь и Василий и, когда он появится, поймут, что потерпел неудачу с танцовщицей или попросту передумал.

Штефан сидел за столом, наблюдая за публикой, и потягивал пиво. Тут как раз появилась еще одна официантка, и он почему-то обратил на нее внимание. Ничего привлекательного в ней не было: изможденное лицо, гладко зачесанные назад волосы, мешковатая одежда. Но Штефан следил за ней взглядом — как она убирает со стола, идет к стойке, приносит кому-то еще пива... У нее летящая походка и быстрые движения. Слишком быстрые для женщины с таким усталым лицом.

Таня сразу обратила на него внимание и едва сдержала себя, чтобы не перекреститься. Этот человек был

похож на самого дьявола, и взгляд у него был дьявольский — глаза с желтоватым отблеском.

Удивительно, что она совсем не чувствовала усталости. Наоборот, какой-то невероятный прилив бодрости. Перед выступлением Таня так волновалась, что забыла все движения этого непростого танца, ведь она уже лет шесть не выходила на сцену. Но к счастью, все получилось само собой — сказывался опыт. Лейла хорошо научила ее, а потом сбежала с одним парнем. Тогда в течение полугода Тане пришлось выступать в таверне перед публикой.

Лейла была самой первой танцовщицей в «Серале». Она приехала в городок с труппой бродячих актеров. Случилось так, что один актер, ее любовник, избил ее, и она решила остаться в Нэтчезе. Лейла пришла к Доббсу, и с этого момента настал его звездный час: ведь именно необычный восточный танец турчанки превратил таверну в самое популярное заведение в городе. До этого у него дела шли из рук вон плохо, едва сводил концы с концами. И вдруг публика повалила валом, и это в самом бойком месте, среди казино и борделей. Доббс даже переименовал название таверны под стать колориту танца — «Сераль», что значит гарем.

И вдруг Лейла сбежала с каким-то проходимцем. Пришлось спасать положение Тане, которая к тому времени уже овладела искусством исполнения этого танца. Таня была совсем юной, но сложена очень хорошо. Доббс сразу смекнул, что она может вполне сойти за восточную красавицу, тем более что Лейла научила ее гримироваться и менять внешность. Хозяин не хотел, чтобы Таню узнали на сцене. Так началась ее двойная жизнь — на сцене и в зале. Но тут некоторые завсегда-таки начали узнавать ее, и тогда Доббс нашел новую танцовщицу, которую Таня обучила коронному номеру заведения.

Таня рада была избавиться от обязанности выступать перед публикой. Хоть танцевать ей и нравилось, но было противно чувствовать на себе липкие, похотливые взгляды мужчин и слушать их сальные шуточки. Эйприл с успехом заменила ее на сцене. Но теперь, когда несносная вертихвостка сломала ногу, Тане придется работать каждый вечер, чтобы держать марку и не прогореть. И так уже из-за болезни Доббса соседи толкуют о том, чтобы купить таверну. Она не упустит того, что является почти ее собственностью. И Таня твердо решила, что, став хозяйкой «Сералья», наймет несколько хороших танцовщиц, чтобы не знать больше с этим хлопот.

Размышляя над всем этим и убирая со столов, Таня спиной чувствовала на себе пристальный взгляд незнакомца. И хотя внутренний голос говорил ей «Не оборачивайся!», она повернулась к нему и даже пошла к его столу. Какая-то неведомая сила тянула ее к этому столу.

«Глупости, — думала она, — никакой это не дьявол, просто такой у него вид! Одет богато... Лицо смуглое, а глаза... Да и никаких дьявольских желтых огоньков там нет! Это же пламя свечей в них отражается. На самом деле глаза у него карие, светло-карие».

Поняв, что ей опасаться нечего, Таня улыбнулась. Смело приблизилась к столу. Ей вдруг стало весело, с ней такое редко случалось. Улыбка и радостное выражение лица совсем не вязались с тем грозным видом, который она на себя напускала, работая в таверне. Но по натуре она была довольно веселого нрава, только жизнь сделала ее другой. Этот незнакомец вдруг пробудил в ней женщину, и ей захотелось слегка пококетничать. А что? Он скорее всего приехал на пароходе, который завтра утром отбывает обратно вниз по реке.

— Что вам угодно, сэр? — спросила она непринужденно.

Ее улыбка удивила Штефана. Не потому, что она никак не вязалась с усталым видом девушки, просто он не привык, чтобы женщины улыбались ему вот так, с первой встречи. Чаще всего их пугал и смущал вид его шрамов, и они изо всех сил старались скрыть это, хотя и поглядывали на него с опаской. Но эта официантка, казалось, вообще ничего не заметила или же ей не привыкать — кого только не увидишь в такой дыре, как эта!

Но Штефану было приятно, что его внешность не отталкивала девушку. Именно то, из-за чего у него несколько минут назад испортилось настроение и что было причиной его размолвки с кузеном, совсем не смутило странную подавальщицу. Тут он призадумался, глядя на нее, почему она показалась ему странной. Что-то в ней было не так.

У нее глаза веселого, беззаботного ребенка, кажется, вот-вот прыснет от смеха. Они не подходят к ее бледному, изможденному лицу. А этот рот с бледными губами — и вдруг великолепные зубы, один к одному, как жемчужины. Он оглядел ее с ног до головы. Одета ужасно — серая широкая блуза и явно мужской потертый жилет, надетый сверху, делали ее фигуру бесформенной, выцветшая юбка и вдруг за поясом кинжал. Это еще для чего? А руки? Ладони красные и мозолистые, а тыльная сторона розовая, гладкая, кожа на руках до локтя покрыта нежным пушком... Ну, это совсем не вяжется с ее внешностью простолюдинки. Штефан снова глянул в ее глаза — какие темные круги под ними. Что-то слишком темные, словно тушь размазалась...

И тут он вдруг догадался.

— Замусолила себя такой черной краской, чтобы к тебе не приставали? — спросил он, усмехнувшись.

Девушка ахнула, и он рассмеялся. Покраснев, она стала торопливо вытирать краску. Теперь Штефану стало понятно: это та танцовщица, которая на сцене скрывала свое лицо, а внешность у нее не очень-то вырази-

тельная. Тут, в зале, она пыталась скрыть свое тело под этой мешковатой одеждой, а вот фигура у нее прекрасная, как угадывалось во время танца. Итак, у нее две роли: артистки, которая любому отдаст свое тело, и официантки-недотроги.

— Ничего смешного, сэр, — обиженно сказала девушка, подбоченившись.

Штефан видел, что на лице еще остались следы туши, и подмигнул ей:

— Еще надо вытереть. Хочешь, помогу?

— Что? Нет уж, не надо. Я сама.

Она, не задумываясь, подняла край своей серой хламиды к глазам, а Штефан, к своему удовольствию, смог полюбоваться гладкой, нежной кожей ее тела, которое немного виднелось из-под задранной блузы. На секунду ему стало совсем не смешно, снова вернулось то чувство необузданного желания, которое охватило его во время выступления танцовщицы.

Девушка привела себя наконец в порядок и смотрела на Штефана. Он окинул ее оценивающим взглядом, понимая, что уже ни за что не отпустит ее.

— Если вы закончили осмотр, может, скажете, что вы хотите? — сказала она. — Меня ждут посетители...

— Тебя.

— Что?

— Я хочу тебя.

Итак, она правильно поняла. Можно было не переспрашивать. Но что он нашел в ней такого, чтобы так сразу выбрать ее? Таня знает себя очень хорошо. Семь лет она старалась сделать из себя существо, способное вызвать только отвращение у любого нормального мужчины. Ее внешность не должна привлекать. И вот теперь все насмарку? Этот пару раз взглянул и уже желает ее! Сам-то довольно привлекательный, такое мужественное лицо. Кажется вполне состоятельным, из-под обыкно-

венного плаща видна хорошая одежда. Странно, что она приглянулась такому мужчине.

Таня поначалу решила, что он испанец или мексиканец, у него смуглая кожа и темные волосы. Но испанский акцент не спутаешь с другим, а у этого говор особенный, хотя он хорошо говорит по-английски. Может, он из Канады? Она плохо знала уроженцев с Севера, они редко заезжали в город.

Таня еще раз взглянула на незнакомца. У него и впрямь интересная внешность. Немного хищное выражение лица, резкие черты и эти шрамы на левой щеке и подбородке. Но они не вызывают отвращения. Таня даже испытывала сочувствие к человеку, у которого такие отметины на лице. Он знает, что такое боль, да и сейчас, возможно, страдает, а ей хорошо знакомы боль и страдание.

Но сочувствие не означает, что она готова пойти по его первому зову, забыв о чести. Его довольно грубое предложение она даже не удостоит ответом.

— Думаю, что Эйджи справится с вашим требованием отлично. Я сейчас пришлю ее, — сказала Таня.

Она повернулась и двинулась было прочь, но он схватил ее за пояс и резко притянул к себе. Таня не удержалась и с размаху плюхнулась прямо к нему на колени. С минуту она была не в силах не то что двинуться с места, но и слова сказать.

Наконец она смело взглянула на этого нахала.

— Вы явно напрашиваетесь на неприятности, сэр! — сказала она твердым голосом.

— Тише! — только усмехнулся он. — Нечего тебе дуться! Смотри.

И он насыпал в подол ее юбки двадцать золотых монет.

Таня уставилась на деньги. Она никогда не видела столько сразу. И они предназначались ей за услуги. Эй-

прил и Эйджи получали по доллару или по два со своих тайных клиентов, а Доббс платил им и того меньше. А тут ей одной... У Тани в голове поднялся целый рой мыслей о том, что она могла бы сделать на эти деньги.

«Боже, помоги мне не поддаваться искушению!» — молилась она про себя. Еле сдерживалась, чтобы даже просто не дотронуться до злосчастных монет. Нет, это действительно сущий дьявол! Столько денег только за то, чтобы она отдалась ему, лишилась девственности, которую и не берегла для кого-то определенного. Она и замуж не собиралась выходить... Кругом сплошные мужланы... А этот такой ухоженный, от него приятно пахнет и внешне вполне ничего. Может, ей даже понравится... Господи, и о чем она только думает?

— Ты, должно быть, сам дьявол! — прошептала она.

Он наклонился к ней ближе, так, что она почувствовала его горячее дыхание на щеке.

— Многие тоже так считают, — проговорил он, усмехнувшись.

— Но ты сам не должен считать так! — ужаснулась она.

— Почему?

— Потому что... А, не важно.

Таня попыталась встать с его колен, но он удержал ее, крепко сжав за талию. Дрожь пробежала по ее телу.

— Послушайте, сэр, вам не такая нужна...

Но ей не дали договорить. Прямо над головой раздался чей-то голос:

— Штефан, я просто оговорился и не считаю себя виноватым в том, что тогда...

— Хорошо, хорошо, Василий! — перебил говорившего Штефан. — Протри глаза! Не видишь, я занят?

Таня повернулась и чуть было не ахнула от удивления: перед ней стоял молодой человек, красивый как бог — золотые кудри до плеч, нежная кожа персикового цвета и светло-карие глаза. Такие же, как у того, кто

крепко держал ее. Но этот мужчина со странным именем был просто прекрасен, такого красавца она никогда в жизни еще не видела.

Он тоже удивленно глазел на Таню, но это было простое любопытство. Потом он обратился к другу:

— Выходит, ты сдался? Решил, что красотки не для тебя и выбрал себе вот эту девку? — Он пренебрежительно кивнул на Таню. — Господи, Штефан! Да я пойду и приведу тебе эту танцовщицу!

Таня не сразу сообразила, что ее ужасно оскорбили. Ей хорошо известно, что ее внешность непримечательна, но никому не позволено говорить об этом вслух. Да еще так сказать! Словно она ничто, пустое место, грязь под ногами — переступить и пойти дальше! Это задело ее за живое. Услышать оскорбление, да еще от какого-то напыщенного чужестранца! Таня чувствовала, как закипает от ярости.

Да кто они такие, эти двое? Один уверен в том, что может купить ее, как девку, другой считает, что никто в здравом уме не способен пожелать купить ее!

«Надо быстрее убираться отсюда — подумала она, — нет, они мне за все заплатят! Только сначала надо слезть с колен этого дьявола!»

Таня так и сделала: она вскочила на ноги и, гордо подняв голову, презрительно оглядела обоих обидчиков. Потом аккуратно положила деньги на стол. Ей пришлось сдерживаться — не хватало самой устроить драку в таверне. Вчерашней потасовки достаточно. Сейчас она удалится с чувством собственного достоинства и будет гордиться своей выдержкой... Но еехватило всего на пару секунд. Такое бешенство овладело ею, что она, резко повернувшись, отвесила златокудрому хорошую оплеуху.

А дальше все произошло быстро и без лишнего шума. Василий замахнулся на девушку, но Штефан поймал его руку и не дал ему ударить. Таня же, не дожидаясь защиты со стороны, выхватила кинжал. Она стояла, свирепо

глядя на своих врагов, не произнося ни слова. Они боялись пошевелиться, ожидая удара. Но тут Таня пришла в себя и опрометью бросилась вон.

Как только грозная девица исчезла, Штефан повернулся к кузену.

— Василий, ты просто идиот! — вскричал он.

— Эта сука набросилась на меня с ножом. Ты что, не видел? — огрызнулся тот.

— И неудивительно — ты же собирался ударить ее!

— Она заслужила! Дала мне пощечину!

— И поделом тебе!

Василий недоуменно пожал плечами:

— Ты странно рассуждаешь, Штефан. Ладно, мы же помирились с тобой. Не будем снова ссориться. Хочешь, я приведу к тебе ту танцовщицу?

— Болван, это и была та самая танцовщица! — воскликнул Штефан.

Василий, казалось, нисколько не удивился неожиданному повороту дела.

— Тогда хорошо, что я вовремя подвернулся и спас тебя. Поблагодаришь позже.

Глава 5

В гостинице друзей поджидал Андор с любопытными новостями. Оказалось, что Доббс, которого они разыскивали, — хозяин той самой таверны «Сераль», но жена его, в то далекое время сопровождавшая баронессу, давно умерла. Это их просто сразило — они были так близки к цели, но даже не догадывались об этом. Василий стал настаивать на том, чтобы вернуться в таверну и как следует расспросить этого Доббса. Но Штефан уговорил его подождать до утра, считая, что Доббс от них не уйдет; он двадцать лет живет тут и за одну ночь никуда не де-

нется. Так или иначе, а ему придется рассказать все, что он знает о Тане.

Но на самом деле Штефану не очень-то хотелось снова предстать перед той маленькой танцовщицей, которая подверглась нападкам его кузена. Правда, он сам поначалу не усмотрел в словах Василия никакой грубости, удивило совсем другое: какое его дело, кого он себе выбрал? Но все-таки Василий не должен был оскорблять девчонку. А Штефану следовало защитить ее, раз он выбрал ее себе, и вмешаться, прежде чем разыгралась вся эта неприятная сцена. Тогда бы он провел с ней все-таки ночь...

Позже, поразмыслив над происшедшим, Штефан догадался, что именно так задело Василия, когда тот увидел эту служанку. Он посчитал себя виноватым в том, что кузен решил довольствоваться неказистой проституткой. Он обидел Штефана, и тот засомневался в себе. Василий поспешил исправить свою ошибку, но лишь оказал медвежью услугу.

Тем не менее Штефану не хотелось возвращаться в таверну в то время, когда эта девчонка еще находится там. Лучше явиться утром прямо к хозяину.

Утром же на громкий стук Андора дверь открыла та, кого Штефан меньше всего хотел видеть. Девушка же, увидев вчерашних обидчиков, тут же захлопнула дверь.

Этого никто не ожидал. Все четверо озадаченно переглянулись.

— Так, я сейчас выломаю эту чертову дверь, — разозлился Андор.

Василий презрительно фыркнул.

— Чего еще можно ожидать от девки? — сказал он. — Ну что, Штефан? Не пора ли ее поставить на место?

Штефан, на секунду почувствовавший облегчение оттого, что она закрыла дверь и избавила его хоть на время от извинений, сердито глянул на кузена.

— А где ее место, друг мой? — спросил он. — Она же не крестьянка из Кардинии.

— Она американская простолюдинка. Какая разница?

Тут вмешался Лазарь, с улыбкой наблюдавший за друзьями:

— А ты потолкуй с ней! Уж она тебе скажет!

— Тогда уж точно следует взломать дверь, — с нетерпением вставил Андор.

— Зачем ломать? — заметил Василий. — Я что-то не слышал, чтобы щелкнула задвижка или замок. Просто толкни, да и все.

В этот момент дверь заперли.

— Вот, — оживился Андор, — значит, точно придется взламывать!

— Да что ты заладил одно и то же! — воскликнул Штефан в сердцах. — Отойдите, я попробую по-другому.

Он подошел ближе к злополучной двери и постучал:

— Эй, хозяйка! Нам нужен Уилберт Доббс, а не вы! Поэтому будьте добры...

— Доббс болен, — перебила его упрямая девушка, — теперь я тут веду все дела. А это значит — вам придется обращаться ко мне. Ну а я требую, чтобы вы ушли.

Она так быстро ответила, что было ясно — подслушивала за дверью. От этого Штефан разозлился еще больше.

— Если вы не откроете сейчас же, вы вообще останетесь без двери, ясно? Поэтому советую не усложнять себе жизнь, раз уж вы являетесь хозяйкой этого заведения.

Угроза подействовала. Дверь открылась, но девушка загородила проход — стояла, подбоченясь, одной рукой придерживая рукоятку кинжала на поясе. Штефан и Василий хорошо знали, что она не расстанется с оружием, да и вид у девицы был воинственный. Но Штефан решил не торопить события. Он выжидающе глядел на хозяйку таверны. На этот раз на ней была надета блузка с блекло-

сиреневыми цветами, которая была ей совсем не к лицу. При ярком дневном свете девушка оказалась еще более некрасивой, чем вчера вечером.

— Видать, вы иностранец, сэр, — сказала она Штефану, — и хотя по-английски говорите неплохо, не понимаете простейших слов. Я вам сказала, что Доббс болен. Это значит, что его нельзя беспокоить.

Штефан приблизился к ней, она не отступила назад ни на шаг. Он подумал, что она храбрится изо всех сил, но с ее стороны это весьма глупо. Неужели она считает, что четверка крепких молодых мужчин не справится с одной тщедушной, упрямой девчонкой? Она просто не ведает, на что способен один только Штефан, если его разозлить. Он наклонился к ней, глаза его сверкали.

— Если ты хорошо понимаешь по-английски, — процедил он сквозь зубы, — потрудись сообразить: нам позарез необходимо поговорить с Уилбертом Доббсом, и ни твои препирательства, ни твои бездумные действия не смогут нас остановить. Тебе остается только отойти в сторону и пропустить нас, если ты умная и понятливая девушка.

Она исподлобья смотрела на него с минуту, потом высоко подняла голову и презрительно бросила:

— Что ж, валяйте! Идите морочить голову умирающему человеку, если вам совесть позволяет!

Она повернулась спиной к ним и пошла прочь.

— Что ж ты даже не спросил ее, где найти этого типа? — буркнул Василий, обращаясь к Штефану.

Лазарь так и прыснул:

— Сейчас она скажет, как же! Легче его самим найти, чем связываться с этой угрюмой девицей. В такой халупе не так много комнат.

— Тогда давайте побыстрее! Меня тошнит от одного вида этого заведения. Да еще тут такой запах стоит... — проворчал Василий.

На самом деле в помещении пахло мылом. Столы были сдвинуты в сторону, на них — перевернутые стулья. Хорошо выскобленные полы даже еще не высохли. Вся утварь — кружки, миски, блюда, — аккуратно расставлены на полках за стойкой. Василий не мог не заметить идеального порядка в таверне, он просто явно пребывал в скверном расположении духа и злился на весь белый свет, тем более что не привык, когда простолоудины разговаривают с ним подобным образом.

Вдруг где-то наверху раздался крик самого хозяина, Уилберта Доббса. Больной громогласно и грубо требовал свой запоздавший завтрак. Судя по его громоподобному голосу, он явно умирать не собирался. Друзья слегка опешили. Окрик и ругань повторились.

Лазарь, которого в отличие от Василия все это невесело забавляло, заметил со смехом:

— Интересно, неужели под «ленивой тварью» он подразумевает эту зеленоглазую бандитку с кинжалом?

— Может, она и тварь, — отозвался Андор, — но ленивой ее никак не назовешь. Она работает тут на износ, видок у нее еще тот — смотреть страшно.

Андор довольно грубо выразил то, что Штефан и сам заметил, именно из-за этого чувствуя некоторую вину перед девушкой. Может, и не надо было так с ней разговаривать? Она выглядит такой усталой, измотанной. Хозяин, хоть и больной, ей, видать, спуску не дает. Поэтому у нее такой крутой нрав да скверное настроение. А тут еще на ее голову свалились непрошенные гости...

Василий придерживался другого мнения, которое он не замедлил высказать:

— Вот еще, сочувствовать девке! Да эта дешевая шлюха даже не стоит нашего внимания. Особенно теперь, когда мы вот-вот узнаем, где находится принцесса.

— Или не узнаем, — заметил Андор, взявшись за ручку двери, ведущей в комнату хозяина, — но пусть мои опасения не подтвердятся.

— Черт побери, Таня! — С этими словами встретил их обознавшийся Доббс и тупо уставился на вошедших незнакомцев.

Он резко сел в постели.

— Что вы здесь делаете? — спросил он совершенно другим, но отнюдь не дружелюбным тоном.

Правда, было видно, что он моментально оценил незваных гостей по их одежде и манере держаться.

— Так в чем дело, господа? Таня ведь знает, что я никого не принимаю.

— Если вы о той служанке внизу, — ответил Лазарь, — то она нас предупредила и даже изо всех сил старалась не пропустить к вам, сэр.

— Видать, не очень-то старалась. Но раз вы уже здесь, перейдем к делу. Чем я могу вам помочь?

— Мы здесь по делу, касающемуся вашей покойной супруги, — начал Лазарь.

— Айрис? Не наследство же она получила, о котором я не знал все эти годы!

Доббс даже рассмеялся над собственной шуткой. Вот уж чего не могло произойти с Айрис, которая вышла за него замуж от отчаяния: ее, беременную, бросил богатенький любовник. Женщина она была видная, и Доббс посчитал, что она будет отлично смотреться хозяйкой его новой таверны в Нэтчезе. Поэтому и женился на ней на скорую руку, что для нее тоже было весьма кстати. Но ни для нее, ни для него надежды не оправдались: у Айрис случился выкидыш, и она так горевала, что просто иссохла.

— Мы ничего не знаем о семье вашей жены, мистер Доббс, — продолжал Лазарь. — Нас интересует женщина, с которой она вместе отправилась сюда из Нового Орлеана двадцать лет назад.

— Сумасшедшая иностранка?

— Значит, жена вам о ней рассказывала?

— Я сам видел ее, когда встретил Айрис по дороге.

Доббс не любил вспоминать то время. Тогда жена сбежала от него в Новый Орлеан к своим родителям. Хотела там и остаться, но они прогнали ее. Он поехал за ней с одним желанием — всыпать ей по первое число за такие проделки. Но когда они встретились, с Айрис была та иностранка. Она металась в жару и через пару часов умерла от лихорадки, оставив у жены на руках младенца. Черт, он тогда не мог побить Айрис — она же должна была заботиться о ребенке. Насчет ребенка он тоже сразу смекнул — пусть остается, вырастет, и будет у него даровая служанка.

Подумав о Тане, Доббс вдруг заволновался. Надо быть поосторожнее с этими незнакомцами!

— Да нечего мне рассказывать об этой женщине, — сказал он небрежно, — у нее не было ни копейки, так ей удалось уговорить Айрис взять ее с собой. Даже дороги не испугалась — ведь больная, а ехать далеко в повозке.

— Странно. Ведь до Нэтчеза ходит пароход по реке, — удивился Лазарь. — Почему же ваша жена отправилась в повозке?

— Что вам за дело, не пойму! Ладно, у нее не было денег на пароход. А повозка была. Моя повозка. Она на ней умчалась в Новый Орлеан. Хорошо, что она не продала ее сгоряча, а то бы как вернулась?

Доббс замолчал, понимая, что явно сболтнул лишнее, но решил объяснить все как было.

— Жена решила сбежать от меня, но вскоре поняла, что деваться ей некуда. Я поехал за ней и встретил как раз, когда она уже возвращалась домой. Она остановилась у дороги, пытаясь помочь той женщине. Больная металась в жару, болтала всякую ерунду про каких-то убийц, королей... То она говорила по-английски, то еще на каком-то неизвестном мне языке. В общем, у нее был бред. Сказала, что должна выполнить свой долг, плакала. Потом к вечеру заснула и умерла. Вот и все, что я знаю.

— Нет не все, — заметил человек с карими злыми глазами, — вы, мистер Доббс, забыли упомянуть о ребенке.

Доббсу с самого начала этот, со шрамами, не понравился — уж больно у него угрожающий вид. Все время молчал и сверлил его взглядом, но чувствовалось, что он едва сдерживается. И вообще обстановка накалялась. Остальные двое тоже не спускали глаз с Доббса, вслушиваясь в каждое его слово. Хозяин таверны недоумевал, что за важное дело привело их к нему через столько лет и зачем им нужно знать про эту иностранку, а главное, как теперь выяснилось, и про ребенка. Это и насторожило Доббса.

Но он справился с волнением и ответил небрежно:

— Я не забыл. Просто об этом грустно вспоминать. Да, был и ребенок. Заразился от матери, и Айрис не смогла спасти его, хотя старалась изо всех сил.

Глава 6

— Ребенок умер?! — выкрикнули все четверо разом.

Доббс не знал: то ли ему отвечать, то ли самому начать задавать вопросы и требовать ответа. Да кто они такие? Вломились сюда неожиданно-негаданно и прямо-таки допрашивают...

Но он так волновался, вернее, почему-то боялся, особенно когда этот кареглазый смотрел на него, что не мог сам перейти к нападению. Врать он умел не моргнув глазом... Но, собственно, кто ему мешает просто узнать кое-что?

Доббс откашлялся и вытер вспотевшие руки об одеяло.

— А почему вы интересуетесь младенцем? — спросил он. — Вы слишком молоды, чтобы я кого-то мог считать отцом ребенка... Так что же?

Никто ему не ответил, и это Доббсу не понравилось.

Тут вдруг к нему приблизился молодой красавец блондин, который держался все время в отдалении. Смирив Доббса надменным взглядом, он сказал:

— Была обнаружена только одна могила — женщины. Просто куча камней, которыми ее завалили.

У Доббса по спине побежали мурашки — как выкручиваться дальше? Да и тон этого блондина ему не нравится...

— А что я мог сделать, если у меня не было лопаты? — попробовал он направить разговор в другое русло. — Пришлось обойтись тем, что было под рукой.

Не вышло!

— Я говорю, что там была только одна могила, мистер Доббс, — не унимался надменный красавец.

— Да, но ведь ребенок умер позже. Мы успели отъехать от того места.

И вот тут началось. На него обрушился шквал вопросов. Доббс едва успевал отвечать, да еще надо было не запутаться.

— Сколько прошло дней?

— Несколько.

— А точнее?

— Два, черт побери.

— А в какое время дня это случилось?

— Да откуда я помню!

— Как умер мальчик?

— Мальчик? Это же девочка.

— Так она умерла?

— Умерла! Что вы все время спрашиваете? Какая вам разница? Черт возьми, единственное, что я могу сказать: она умерла.

— Нет, мистер Доббс. Этого нам недостаточно. Нужны доказательства.

— Да, мистер Доббс, вы должны доказать, что точно похоронили ее где-то.

— Вам, мистер Доббс, придется отвести нас на ее могилу.

Доббс уставился на троих говоривших: не шутят ли они часом? Но нет, они все были невероятно серьезны. Тот, черноволосый, с дьявольским взглядом, не произнес ни слова, предоставив остальным вести допрос. Но он внимательно слушал, не спуская глаз с Доббса, который старался не выказывать беспокойства.

— Я не могу вас никуда отвести, — ответил он очень спокойно, — по той простой причине, что я не выхожу из этой комнаты уже шесть месяцев, с тех пор как...

Ему не дали договорить.

— Ваша болезнь для нас не помеха, — сказал один из них, криво усмехаясь, — мы сможем все устроить, вас доставят куда прикажете, и еще вы получите плату за беспокойство.

— Ничего этого не нужно, — сказал Доббс, — ведь я не помню точно этого места. Я закопал несчастное дитя, могилка была такая маленькая, и сделать ее не составило труда. Но у меня не нашлось ничего такого под рукой, чтобы оставить метку. Прошло двадцать лет, господа. Я вряд ли смогу отыскать эту могилку, даже если попробовать отсчитать расстояние от могилы матери...

— Все, достаточно, — прервал его кареглазый, — можете больше не объяснять. Спасибо и на этом.

С этими словами он быстро вышел из комнаты. Остальные последовали за ним. Доббс без сил повалился на подушки — этот допрос вымотал его окончательно. Он, правда, так и не понял, к чему вся эта суета по поводу ребенка. Но больше он не желает встречаться с этими парнями.

На лестнице Штефан остановился и сказал твердо:

— Он все наврал.

— Конечно, — согласился Лазарь, — но почему?

— Этому может быть только одно объяснение, — задумчиво произнес Андор.

Было очевидно, что эти трое пришли к единому мнению. Только Василий, догадавшись, куда они клонят, возмутился:

— И даже не думайте об этом! Она же обычная девка, служанка и шлюха в этой таверне! Господи, и такая уродина...

— У нее подходящий цвет глаз, — напомнил Лазарь, у которого явно отпала охота веселиться.

— Да в этом городе сыщется по крайней мере сотня женщин с зелеными глазами! — парировал Василий. — Да этой страхолюдине не может быть двадцать лет. По меньшей мере тридцать.

— От тяжелой работы еще не так будешь выглядеть! — вмешался Андор. — Кстати, ее имя — Таня, слышал? А это уменьшительное от Татьяна — тут все совпадает.

— Тише! — прошептал Штефан. — Каждый из нас знает, что именно является неопровержимым доказательством ее принадлежности к королевскому роду Яначек. Поэтому я предлагаю проверить это, а не пускаться в ненужные рассуждения.

Василий возмущенно фыркнул:

— Глупо даже думать на эту девку!

— Тут и думать нечего, Василий. У нас нет выхода, это единственная и последняя возможность. Эта служанка вполне может оказаться той, которую мы ищем. И ты сам прекрасно все понимаешь.

— Я мечтаю, чтобы этого не случилось. Не может быть! Не верю!

— Метка, Василий. Маленькое клеймо в виде полумесяца, поставленное на левую ягодицу, убедит тебя в обратном.

— Черт возьми, Штефан! Делай что хочешь, но я не собираюсь в этом участвовать. Я к ней и на пушечный выстрел не подойду.

— Сомневаюсь, что потребуется твоя помощь. Кажется, у меня найдется пара монет, в обмен на которые эта сучка задерет юбку и сама покажет мне все, что требуется.

Василий даже покраснел от этих слов кузена, не потому, что тот так грубо выразился, а от мысли, что продажная девка, «сучка», может действительно оказаться принцессой, а потом и королевой Кардинии.

Лазарь, почуяв, что двоюродные братья на грани крупной ссоры, встал между ними.

— Пойду-ка я разыщу девушку и спрошу ее, нет ли у нее особых примет на теле. Она на словах опишет мне эту метку, и все решится тихо и мирно.

— Она вряд ли ответит тебе на такой откровенный вопрос, не зная, почему тебя это интересует, — серьезно заметил Штефан, — а если ты объяснишь причину, она возьмет и сделает себе на заднице эту метку сама, чтобы не упустить свой шанс.

— Да мы не скажем ей все до конца, — не сдавался Лазарь. — И потом, надо подвести к тому, чтобы она сама рассказала...

— А, вы еще здесь? — прервал его сердитый голос девушки, которая стояла внизу перед лестницей, держа в руках поднос с завтраком для хозяина. — Вот дверь, и идите-ка отсюда подобру-поздорову, ясно? Доббс ждет меня.

— Мы знаем, — сказал Штефан и стал спускаться по лестнице, — отнеси ему еду.

— Штефан! — окликнул его удивленный Лазарь, но тот отмахнулся.

Таня подождала, пока они все окажутся внизу и пройдут мимо нее. Она беспокоилась, так как руки ее были заняты подносом и оставляли ее на время беззащитной. Но вид у всех был уже другой. Тот, которого называли Штефан, не впивался в нее своим гневным дьявольским взглядом, но тем не менее глаза его сверкнули,

когда он глянул в ее сторону. Правда, Таня почувствовала в его взоре нечто другое, и это заставило ее волноваться еще больше...

Тут она заметила того златокудрого красавца. Он тоже посмотрел на нее и даже на несколько секунд задержал взгляд, от которого она мысленно поежилась — столько в нем было ненависти и презрения. Как ее угнетало такое отношение! Она, конечно, для такого богатого человека никто, но он не имеет права ее унижать. Может вообще не замечать, пожалуйста, но смотреть на нее как на низкое, недостойное существо... Правда, вчера она ударила его, но он открыто оскорбил ее! Таня всю ночь проплакала от обиды. Даже побои Доббса не довели ее до такого отчаяния!

Таня решила не думать об этом и лучше разглядеть остальных иностранцев. Не найдя в них ничего примечательного, она быстро отправилась наверх к Доббсу. Спиной почувствовав на себе любопытные взгляды, она содрогнулась. Девушка вошла в комнату под их взглядами и плотно закрыла за собой дверь.

Глава 7

Лазарь спустился к друзьям. Ему пришло в голову незаметно последовать за девушкой и подслушать у двери.

— Она спросила его про нас, — поведал он. — Доббс сказал, что это не ее дело, и предупредил, чтобы она не подходила к нам и не вступала с нами в разговоры.

— Что еще?

— Да ничего интересного. Он все время жаловался и ворчал, требовал отчета, денег. Так и есть, она действительно ведет тут все дела одна, и никто ей не помогает.

— А вот и причина, по которой он хочет держать ее при себе, — заметил Андор.

— Может, и так, но он же не знает, зачем мы разыскиваем ее, — сказал Штефан, — она еще долго будет наверху?

— Сомневаюсь. Он так грубо с ней разговаривает, и, судя по тому, как она отвечает, ей порядком надоело с ним возиться. Я бы на ее месте давно дал ему подносом по башке.

Тут все услышали, как хлопнула дверь, и тут же девушка сбежала вниз по лестнице. Увидев всю компанию, она замерла и сразу взялась за рукоятку своего кинжала. Этот ее жест, ставший уже привычным, вызвал только насмешливые взгляды со стороны четверки крепких и сильных мужчин.

Штефан усмехнулся: нелепо было представить, как хрупкая, маленькая женщина защищается с оружием в руках. Она привыкла угрожать кинжалом пьяным посетителям, и на них это производило, очевидно, впечатление. Но кардинцы не отступят, тем более что вовсе не собираются применять силу.

— Вы что, не нашли дверь на улицу? — спросила она, не обращая внимания на смех.

Штефан перестал улыбаться и сразу перешел к делу.

— Нам надо поговорить с вами, хозяйка.

— Вы же сказали, что вам нужен Доббс, и добились разговора с ним.

— Нас это не удовлетворило.

Она удивленно подняла брови:

— А что, ваше чувство удовлетворения зависит теперь от меня?

Лазарь захохотал. Василий презрительно хмыкнул, но, к счастью, не сказал на это ничего. Штефану понравилась шутка, но он оставался на этот раз серьезным.

— У нас есть несколько вопросов.

— А у меня нет времени...

— Желательно, чтобы вы ответили.

— Я же сказала, что...